

В. Г. Морогин, В. А. Мазилев

Ценностно-потребностная тахистоскопическая диагностика коррупционного поведения

В статье обсуждаются современные точки зрения на проблему коррупции и коррупционной преступности. Констатируется, что в правительственных и социологических источниках коррупция рассматривается как общественный феномен, поэтому и методы борьбы с ней носят формально-бюрократический характер. Между тем причина коррупции и коррупционной преступности – в ее субъектах. Психологический подход к решению этой проблемы ставит в центр внимания «человеческий фактор».

Предпринята попытка реконструкции психологических предпосылок появления человека современного типа без обращения к креационистским концепциям. Используются данные палеоантропологических исследований последних двух десятилетий. В методологическом плане мотивационная модель видовой неоднородности человека опирается на палеопсихологическую теорию антропогенеза Б. Ф. Поршнева и концепцию видизма. Как и любое другое исследование филогенетических аспектов формирования современного человека, эта реконструкция гипотетическая.

Предлагаемая в статье модель «коррупционной психодиагностики» и «антикоррупционной психопрофилактики» является одной из прикладных реализаций теории ценностно-потребностной сферы личности. «Коррупционная психодиагностика» даст возможность выявлять лиц, склонных к коррупции, претендующих на занятие руководящих должностей в государственных учреждениях, бизнес-структурах и СМИ, а также среди кандидатов в народные депутаты любого уровня, а разработанная на основе ее результатов технология «антикоррупционной психопрофилактики» позволит искоренить коррупцию в государственных и общественных учреждениях.

Ключевые слова: коррупционная психодиагностика, антикоррупционная психопрофилактика, ценностно-потребностная сфера личности (ЦПСЛ), общественная подструктура ЦПСЛ, родовая подструктура ЦПСЛ, личностно значимая ценность, коррупционно опасная ценность, коррупционно безопасная ценность, симультанная тахистоскопическая экспозиция, сукцессивная тахистоскопическая экспозиция, общественный коррупционный профиль, родовой коррупционный профиль.

V. G. Morogin, V. A. Masilov

Value-Need Tachistoscope Diagnostic of Corrupt Behaviour

The modern point of view on the problem of corruption and corrupt criminality is discussed in the article. It is stated, that corruption is considered to be a social phenomenon in governmental and sociological sources, and therefore methods of fighting corruption are of formally bureaucratic nature. Meanwhile, the cause of corruption and corruption criminality is in the subjects. A psychological approach to solving this problem puts the «human factor» in the spotlight.

The article is an attempt to reconstruct psychological preconditions of the emergence modern human type, without resorting to creationist concepts. Data from paleoanthropological researches of the two last decades are used in this article. In terms of methodology, the motivational model of species human heterogeneity is based on the paleopsychological theory of anthropogenesis by B. F. Porshnev and the concept of kindism. Like any other phylogenetic study of the modern man formation, this reconstruction is hypothetical. The proposed model of «corrupt psycho-diagnostics» and «anti-corrupt psycho-prevention» is one of the applied implementations of the theory of the value-need personality sphere. «Corrupt psycho-diagnostics» will enable to identify persons who are prone to corruption, applying for employment of leadership roles within state institutions, business-structures and the media, and among candidates for the parliament of any level. The technology «anti-corrupt psycho-prevention», based on the results of «corrupt psycho-diagnostics», will allow eliminating corruption in state and public institutions.

Keywords: corrupt psycho-diagnostics, anti-corrupt psycho-prevention, value-need personality sphere (VNPS), social substructure of VNPS, family substructure of VNPS, personally meaningful value, corrupt dangerous value, corrupt safe value, simultaneous tachistoscope exposition, successive tachistoscope exposition, public corrupt profile, generic corrupt profile.

Генезис властных структур в любом демократическом обществе сопровождается негативными явлениями, проявляющимися в корыстных злоупотреблениях государственных чиновников и должностных лиц, бизнесменов и коммерсантов, «народных избранников» и общественных деятелей. В целом, этот проблемный комплекс обозначается термином «коррупция» (от латинского *corruptio* – ‘порча’, ‘подкуп’) и определяется как

преступление, заключающееся в прямом использовании должностным лицом прав, предоставленных ему по должности, в целях личного обогащения; коррупцией называют также подкуп должностных лиц, их продажность.

Термин «коррупция» стал активно использоваться российскими СМИ только в последнее десятилетие: до 2007 г. считалось, что в российском политическом истеблишменте, среди чи-

новников, в правоохранительных органах, бизнесе, журналистской среде предпосылок для коррупции не было, что коррупция – исключительно «западное» явление. У российских властей до сих пор нет четкого определения этого феномена. Главная проблема в том, какие действия ответственных бюрократов, политиков, деловых людей, журналистов, иных субъектов, в руках которых сосредоточена власть или денежные потоки, следует считать коррупционным поведением. Если должностное лицо берет взятку, это – однозначно коррупция. Но, когда депутат «проталкивает» в ГД новый закон, явно лоббированный и проплаченный четко идентифицируемыми олигархическими структурами, – это нормальная практика депутатской деятельности. А как квалифицировать тот факт, что многие народные депутаты самого разного уровня или их помощники имеют уголовное прошлое? Разве сращивание власти с криминалитетом – это не коррупция? А как расценивать деятельность средств массовой информации, пропагандирующих и рекламирующих противоправное, в том числе и коррупционное, поведение?

В документах ООН коррупцией называется злоупотребление государственной властью с целью получения личной выгоды; в федеральном законе РФ коррупция – это «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или третьих лиц, либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение таких деяний от имени или в интересах юридического лица» [17].

Политики и социологи утверждают, что коррупция – обязательный атрибут любого общества, и искоренить ее полностью невозможно. Поэтому она существует и в развивающихся, и в экономически развитых странах.

Угрожающее нарастание коррупционных процессов практически во всех сферах общественной жизни: политической, правовой, социальной, идеологической, экономической – неуклонно ведет к нарастанию социальной напряженности и развалу государственного строя. Проблема коррупции актуальна не только для власти, но и для каждого российского гражданина. Но, хотя тер-

мин «коррупция» сейчас очень популярен среди журналистов и ученых-правоведов, серьезные исследования коррупции и коррупционного поведения практически отсутствуют. Дело в том, что, поскольку субъектом коррупционного поведения является конкретный человек, глубинная причина коррупции – психологическая. А любая власть, и первая – исполнительная, и вторая – законодательная, и третья – судебная, и четвертая – информационная, и пятая – криминальная, стремится переместить проблему в сферу экономики, политики, общественных отношений и как можно дальше увести ее от реальных субъектов коррупции. Это и понятно, поскольку психологический анализ сразу же переводит этот вопрос в конкретную плоскость: коррупция процветает там, где есть власть и деньги, субъектом коррупции является человек, имеющий к ним доступ.

Актуальность проблемы коррупции в российском обществе также в том, что даже те единичные спектакли, напоминающие то комедию, то фарс, имитирующие борьбу власти с коррупционной преступностью, тем не менее свидетельствуют о ее глубоком проникновении в российское общество, о том, что практически все сферы общественной жизни поражены «коррупционной коррозией».

Согласно мировому рейтингу, ежегодно составляемому международной неправительственной организацией Transparency International, Россия является одной из самых коррумпированных стран мира. Основным критерий, по которому оценивается «коррупционная чистота» государства – Индекс восприятия коррупции (The Corruption Perceptions Index): данные социологического исследования и сопровождающий его рейтинг страны по распространенности коррупции в государственном секторе. Методика расчета опирается на общедоступные статистические данные и на результаты глобальных экспертных опросов [29].

В рамках этого исследования коррупция трактуется как любые злоупотребления служебным положением с целью получения личной выгоды. Ориентация на экспертизу объясняется тем, что статистические данные (например, число уголовных дел или судебных приговоров по фактам коррупции), во-первых, не всегда доступны, а во-вторых, отражают скорее эффективность работы правоохранительных органов по выявлению и пресечению коррупционных преступлений, чем реальный ее уровень. В этой ситуации более надежным источником информации является

мнение и свидетельство тех, кто непосредственно сталкивается с коррупцией или профессионально занимается ее изучением.

Индекс восприятия коррупции – сводный индикатор, который рассчитывается на основе данных, полученных из международных экспертных источников. Степень распространенности коррупции оценивается как зарубежными экспертами, так и проживающими в конкретной стране, ее интегральный индикатор представляет собой результат опросов предпринимателей, аналитиков по оценке коммерческих рисков, специалистов по конкретным странам из различных международных организаций. Индекс ранжирует государства и территории по шкале от 0 (самый высокий уровень коррупции) до 100 (самый низкий уровень коррупции) на основе экспертного восприятия уровня коррумпированности государственного сектора. Рейтинг «коррупционной чистоты» соответствует месту страны, которое она занимает согласно вычисленному в отношении ее Индексу восприятия коррупции, – чем ниже уровень коррупции, тем выше рейтинг.

Для обеспечения достоверности первичной информации, используемой при составлении Индекса, и валидности итоговых результатов требуется не менее трех источников. В целом, Индекс восприятия коррупции является достаточно надежным инструментом, но вместе с тем ему присущи и некоторые недостатки. Например, надежность оценок не для всех стран одинакова – Индекс и соответствующий ему рейтинг, полученный на основе относительно небольшого числа источников, которые к тому же характеризуются большим разбросом в оценках, могут в итоге оказаться не вполне адекватными. Кроме того, при расчете Индекса используются усредненные данные, собранные за три последних года, поэтому этот показатель дает представление о текущих оценках уровня коррупции, почти не фокусируясь на происходящих из года в год изменениях. Индекс не всегда отражает реальную динамику явления, его колебания могут быть обусловлены корректировкой выборки, методологии и источников информации, а место страны в общем рейтинге может сильно измениться уже потому, что изменился список стран, подвергшихся исследованию.

Опыт борьбы с коррупцией показывает, что прозрачность деятельности государственных структур и их строгая подотчетность не в состоянии искоренить коррупцию, в частности, даже страны-лидеры по «коррупционной чистоте» не

решили проблему «приватизации государства»: нарушение принципов финансирования избирательных кампаний и надзора за исполнением крупных государственных контрактов остаются основными источниками коррупционных рисков. Хуже всего обстоят дела в государственном секторе, особенно в таких областях, как деятельность политических партий, работа органов охраны правопорядка и функционирование судебных систем. Любые благие начинания, будь то борьба с изменением климата, экономическими кризисами или нищетой, неизбежно сопровождаются коррупционными злоупотреблениями.

Очередное исследование, проведенное Transparency International в 2014 г., показало, что Российская Федерация с 28 баллами занимает в коррупционном рейтинге 127 место. Наилучшие результаты в борьбе с коррупцией показали Дания и Новая Зеландия – 91 балл, на третьей строчке рейтинга – Финляндия с 89 баллами. В первую десятку попали также Швеция, Норвегия, Сингапур, Швейцария, Нидерланды, Австрия и Канада. Самыми коррумпированными государствами планеты признаны Сомали, КНДР и Афганистан, набравшие по восемь баллов. В нижней части списка расположились Сирия, Ливия, Гаити, Туркмения и Узбекистан. В целом, серьезные коррупционные проблемы имеют 70 % стран – они набрали менее 50 баллов [22].

Неутешительные для России результаты, полученные в этом исследовании, вовсе не означают, что борьба с коррупцией – пустое и неблагодарное занятие; снижать количество коррупционных преступлений необходимо всеми возможными средствами. В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» коррупция позиционируется как одна из основных угроз национальной безопасности России. С 2008 г. федеральная власть предпринимает активные меры по борьбе с коррупцией, основу которых составляют такие нормативно-правовые документы, как Федеральный закон «О противодействии коррупции», Указ Президента РФ «О мерах по противодействию коррупции», Национальный план противодействия коррупции [16, 17].

Но, несмотря на шумные антикоррупционные спектакли, ситуация в России за последние годы несколько не изменилась. Ее соседями по коррупционному рейтингу с теми же 28 баллами стали Азербайджан, Мадагаскар, Гамбия, Ливан, Мали, Никарагуа, Пакистан и Коморские острова. Из стран СНГ наиболее «коррупционно чи-

стыми» признаны Белоруссия (123-е место), Молдавия (102-е место) и Армения (94-е место).

Результаты опроса населения, проведенного агентством Profi Online Research, свидетельствуют, что 70 % российских граждан не доверяют данным, которые чиновники обнародовали в декларациях о доходах и имуществе. Наиболее коррумпированными сферами деятельности выглядят государственная служба (65 % опрошенных) и юриспруденция (47 %). Согласно официальным данным органов внутренних дел, ущерб от коррупции в России составляет 4,7 млрд руб. в год. Но в этой статистике учтены только выявленные нарушения, фактический же ущерб, по мнению экспертов, значительно выше: официальная статистика не отражает и $\frac{1}{20}$ реального объема взяточничества и лихоимства. Реально ущерб от коррупции оценивается триллионами рублей в год, а объективному анализу коррупционных явлений и оценке масштабов коррупции препятствуют сложности, возникающие при выявлении подобных преступлений. Поэтому характеристика российской коррупционной преступности должна опираться не столько на зарегистрированные преступные деяния, сколько на анализ их латентности. Отчетливо прослеживается следующая закономерность: чем выше уровень должностных лиц, участвующих в совершении коррупционных преступлений, тем ниже их выявляемость. Социологические исследования феномена латентности коррупционной преступности показывают, что основной массив выявляемых коррупционных деяний относится к низовому уровню – 7 % от фактически совершенных; о коррупционных преступлениях среднего уровня становится известно лишь в 3 % случаев. Максимально латентными остаются коррупционные преступления высшего уровня – их выявляемость не более 0,3 %.

В конце октября 2014 г. Президент России Владимир Путин сообщил, что «только 8 % взяточников осуждены к реальным срокам лишения свободы; большинство приговорены к штрафам, которые преступники не платят, находя всевозможные нормативные лазейки», а премьер-министр Дмитрий Медведев, обсуждая дальнейшие шаги в направлении борьбы с коррупцией, заявил, что правительство «внимательно приглядывается» к опыту Китайской Народной Республики. В 2007 г. в Китае было создано Государственное управление по предупреждению коррупции, которое стало контролировать использование чиновниками властных полномочий и закрыло законодательные лазейки, позволяющие

взяточникам уходить от наказания. Например, последний китайский циркуляр запрещает чиновникам получать биржевые акции в качестве подарков, отмывать взятки через азартные игры и договариваться об устройстве на хорошо оплачиваемую работу после отставки. Усилен контроль за провинциальным звеном госаппарата: ограничен политический вес местных элит, их обязали жестко следовать линии центра.

На сегодняшний момент меры, предпринимаемые правительством России в борьбе с коррупцией и коррупционной преступностью, носят либо юридический, либо откровенно запугивающий полицейский характер. Но субъектом коррупционного поведения всегда является конкретный человек, а не группа и не общество в целом, хотя сложившиеся в российском социуме коррупционные нормы, безусловно, способствуют экстенсификации коррупционного поведения. Тем не менее настоящие причины коррупции кроются не в законе, не в экономике, не в обществе, а в каждой конкретной личности. Поэтому главной причиной этой проблемы следует считать психологический фактор. Наиболее коррумпированными сферами деятельности являются такие, где для коррупции есть реальные материальные основания – власть и деньги. Это, в первую очередь, государственная служба, «правоохранительные» органы, юриспруденция, бизнес-сообщество, СМИ. Высок уровень коррупции в системе здравоохранения, в сфере управления наукой и образованием.

Ведущие российские юристы считают, что для повышения эффективности противодействия коррупции и борьбы с коррупционной преступностью необходимо осуществлять согласованные действия всех структур, занимающихся вопросами коррупции, по следующим основным направлениям:

- развитие и внедрение общественной антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов;
- обеспечение прозрачности всех административных и правовых процедур, принятия решений, их жесткая регламентация;
- ужесточение ответственности за коррупционные преступления (например, конфискация имущества), а также совершенствование экономических мер противодействия (сделать экономически невыгодным коррупционное преступление);
- расширение международного правового сотрудничества в области противодействия коррупции;

– искоренение сложившейся системы подбора кадров государственной и муниципальной службы по принципу родства, лояльности, личной преданности и дружеских отношений для создания команды «единомышленников»; жесткая регламентация в подборе кадров и контроль доходов должностных лиц, эффективная система поощрения работников;

– развитие системы социального контроля за поведением человека, функционированием институтов, предприятий и организаций, общества в целом;

– формирование у граждан «антикоррупционной устойчивости», то есть системы социально-психологических качеств, позволяющих противостоять соблазну злоупотребления служебным положением и полномочиями, даче или получению взятки, подкупу с целью получения выкупа и т. п. через развитие и продвижение соответствующей идеологии, распространяемой со стороны как государства, так и общественных объединений, средств массовой информации.

Эти мероприятия предполагается ввести в правоохранительную систему, обеспечив активное содействие других органов власти (законодательных, исполнительных, судебных), общественных организаций и бизнес-сообщества [23].

Совершенно очевидно, что такая концепция борьбы с коррупцией и коррупционной преступностью в принципе утопична, поскольку, согласно даже официальным статистическим данным, максимальные возможности для ее процветания сосредоточены именно в государственных и политических структурах, правоохранительных органах, СМИ и бизнесе, то есть именно в тех организациях, которые призваны с ней бороться. Именно поэтому юридические, экономические и социальные мероприятия, направленные на борьбу с этим, безусловно, позорным явлением, приобретают исключительно формальный бюрократический характер. Субъектами коррупции являются лица, наделенные властными полномочиями, поэтому совсем нетрудно предсказать возможные результаты этой «борьбы»: ну не будут эти субъекты «бороться сами с собой».

Эффективный подход к снижению и последующему искоренению коррупции в системе государственного и общественного управления должен опираться

– на научно обоснованный социально-психологический анализ этого феномена;

– создание и использование объективных количественных методов психологической диагно-

стики склонности к коррупции – «коррупционной психодиагностики»;

– разработку на основе результатов этой диагностики системы антикоррупционной психопрофилактики и психокоррекции мотивационного содержания коррумпированной личности.

А формирование антикоррупционного мировоззрения в России станет возможным только после того, как будут выявлены истинные причины и психологические механизмы коррупционного поведения.

Предлагаемые правительством мероприятия по борьбе с коррупцией и коррупционной преступностью носят преимущественно карательный характер, что само по себе никогда не давало и не даст позитивного результата. Любые антикоррупционные меры, в том числе наказательные, должны быть научно обоснованы – только тогда они будут адекватно восприняты и дадут положительный результат. Борьба с коррупцией и коррупционной преступностью должна опираться, в первую очередь, на психологическую диагностику склонности к коррупции всех кандидатов на государственные и общественные должности и превентивную профилактику коррупционного поведения.

Коррупция подрывает саму идею справедливого государственного управления, нагнетает социальную напряженность и, в конечном счете, приводит к разрушению государства, поэтому правительственные меры по ее ограничению необходимы. Но, с другой стороны, даже официальная статистика свидетельствует, что коррупция «хорошо чувствует себя» там, где власть и деньги. А поскольку субъектом коррупционного поведения является конкретный человек, ее причины скрыты в каждой личности, наделенной властными полномочиями. Закон, экономика и общество – всего лишь факторы, которые могут или способствовать, или препятствовать проявлениям «индивидуального коррупционного диатеза». Отсюда, главным рычагом противодействия коррупции и борьбы с коррупционной преступностью должна стать «психология» человека. Ключ к решению этой проблемы, основанному на строгом научном подходе к анализу глубинных причин феномена коррупции, лежит не в сфере экономических отношений, а в самом человеке. «Человеческий фактор» – вот главная причина коррупции.

В последнее десятилетие проведено немало исследований, отражающих правовые и экономические аспекты коррупционного поведения, но, поскольку анализ и интерпретация их результатов

осуществляется на формальном языке юриспруденции и экономики, из коррупционного процесса исчезает самое главное – личность коррупционера. В самой же психологической науке отсутствует сколько-нибудь внятная объяснительная модель данного феномена. Такая ситуация обусловлена, прежде всего, неадекватным общественным статусом психологической науки, сложившимся в результате целенаправленной деятельности властных структур, явно не заинтересованных в проведении серьезных научных исследований феномена коррупции. С этими препятствиями постоянно сталкивается любой честный исследователь социально-психологических корней коррупционного поведения. А с другой стороны, «без психологически обоснованных подходов здесь вряд ли что-то можно сделать, ибо коррупция – только в ее последствиях правовая и экономическая проблема, а исходно – сугубо психологическая и общечеловеческая» [24, с. 107]. К такому выводу приходят те немногие авторы, которые, несмотря ни на что, пытаются заниматься психологическим анализом этой очень неудобной для власти проблемы.

А. Л. Журавлев и А. В. Юревич [4, 5] попытались проанализировать проблему коррупции с психологических позиций и пришли к выводу, что «психология коррупции как самостоятельная перспективная область психологического исследования» в России все же формируется. Главными ее составляющими авторы видят

- «психологию коррупционеров;
- психологию коррумпирующих, то есть дающих взятки и т. п.;
- изучение отношения общества к проблеме коррупции и ее конкретным компонентам;
- исследование социально-психологических процессов, влияющих на коррупцию» [4, с. 57].

Три важных свойства массового сознания, сформировавшихся в российском социуме, являются главными факторами процветания коррупции:

1. «Толерантное отношение к коррупции как повсеместному, неискоренимому и неизбежному «минимальному уровню зла», не заслуживающему серьезного обсуждения.

2. Осуждение вызывают не сами по себе акты коррупции, а лишь запредельные размеры взяток.

3. Система двойных стандартов: собственное коррупционное поведение и поведение родных и близких воспринимается как вынужденный ответ на объективные обстоятельства и не ассоциируется с коррупцией, в то время как аналогичное поведение других лиц рассматривается как коррупционное» [5, с. 1024–

1025] – в социальной психологии такая позиция называется «фундаментальной ошибкой атрибуции».

В качестве методов борьбы с коррупцией авторы предлагают внедрение в систему образования специально разработанных программ, обособляющих разрушительное влияние коррупции на экономику, организацию массовых пропагандистских кампаний по борьбе с коррупцией с широким привлечением СМИ и других средств воздействия на массовое сознание, привлечение «простых граждан, не обремененных властью и не имеющих связей с сильными мира сего» к борьбе с коррупцией [4, с. 61].

В целом, авторы констатируют, что психологическая составляющая коррупции понемногу начинает приобретать научные очертания, однако предложения по организации дальнейших исследований психологических детерминант коррупционного поведения, как правило, сводятся к общим рассуждениям и пожеланиям, которых и так достаточно в юридической, экономической и политической литературе.

В плане конкретных психологических приемов диагностики коррупционного поведения предлагается полиграфическое исследование претендентов на «взяткоемкие» должности, однако ценность его в значительной степени снижается «из-за многочисленных отказов от обследования, неоднозначности интерпретации показаний полиграфа, свидетельствующего не о лжи, а лишь о наличии физиологического возбуждения» [5, с. 1026]. Кроме того, численность прошедших «полиграфическую проверку» может оказаться меньшей, чем количество вакансий.

Психологические исследования коррупционного поведения, предпринятые О. Ванновской [1], более конкретны и приближены к жизни, но сама трактовка феномена коррупции, а также методы, предлагаемые для ее исследования, настолько традиционны и стандартны, что выглядят довольно наивно. А такие термины, как «антикоррупционная устойчивость», вводимые автором, просто вызывают недоумение. При этом у автора даже не возникает мысли, что любое новое понятие не может считаться операциональным до тех пор, пока не пройдет процедуру операционализации, которая подразумевает создание специальных объективных методов, дающих возможность убедиться, что это новое понятие не является теоретически пустым.

Автор констатирует, что «многолетние исследования не привели к выявлению строго определенного комплекса факторов, актуализирующего коррупционное поведение личности; как правило, диагностические процедуры давали разнонаправленную картину; факторы, которые должны детерминировать коррупционное поведение, располагались на различных уровнях, не позволяя выстроить единый концептуальный аппарат» [1, с. 325]. Такой итог можно было предположить. Психологи, занимавшиеся подобными изысканиями – выявлением комплекса лидерских черт, ПВК, особенностей преступной личности и т. д., уже давно пришли к аналогичным выводам. А неадекватность диагностического инструментария, справедливо отмечаемая автором, есть следствие не вполне адекватной теоретической модели, на основе которой эти инструменты созданы. Тем не менее автор продолжает идти этим традиционным стандартным путем, несмотря на его очевидную тупиковость.

Палеопсихологические этапы антропогенеза Homo Sapiens

Происхождение и становление человека современного вида до сих пор является одной из самых обсуждаемых и в то же время самых запутанных проблем антропологической науки. Дискуссии ведутся не только в научных кругах, но и в средствах массовой информации, на телевидении, где предлагаются самые невероятные варианты происхождения человека. Единственное, что объединяет все эти концепции, – попытка найти внешнюю причину появления сознания и мышления у человека: это может быть божественный промысел, космические пришельцы, обитатели морских или, наоборот, земных глубин. Еще одна общая особенность таких «учений» – полная уверенность в своей правоте и такое же полное отсутствие каких-либо убедительных доказательств. Читатель или зритель должен просто поверить всем этим, нередко психопатологическим, умозаключениям.

Первые попытки представить проблему происхождения человека, не прибегая к креационистским концепциям, связаны с теорией биологической эволюции Ч. Дарвина, которая перевернула представления о природе человека и подтолкнула самых выдающихся сторонников – К. Фохта, Э. Геккеля и Т. Гексли – к идее о том, что человек произошел от обезьяны. Сам Ч. Дарвин, несмотря на то, что именно ему приписывают эту мысль, никогда так не высказывался.

Однако очень скоро стало ясно, что прямых родственных связей человека даже с самыми высшими – человекообразными – обезьянами обнаружить не удастся: слишком далеко на эволюционной лестнице отстоят антропоморфные понгиды от современного человека. Значит, должен был существовать промежуточный ископаемый вид, обладающий таким свойством, которое отличало бы его от всех антропоморфных приматов и остальных животных и представляло эволюционный мост между обезьяной и человеком. И такое звено, вроде бы, было найдено – прямохождение или, шире, ортоградность. В XIX и XX столетиях палеоантропологами были обнаружены многочисленные костные останки существ, которые передвигались на двух ногах, но по строению черепа не отличались от обезьян. Это семейство получило название австралопитековых; Б. Ф. Поршневу, следуя традиции К. Линнея, называл их троглодитидами. Среди множества видов, составляющих это семейство, был выделен как отдельный и самый поздний вид австралопитеков *Homo Habilis* – человек умелый, способный изготавливать примитивные орудия. Скорее всего, опираясь на эти факты, Б. Франклин охарактеризовал человека как «*a toolmaking animal*» – «животное, делающее орудия». Но сопоставление археологических находок с данными современной зоологии показало, что ни прямохождение, ни способность изготавливать орудия не являются исключительной особенностью человека. К тому же нет никаких оснований считать, что австралопитековые, в том числе *Homo Habilis*, были разумными существами, то есть обладали сознанием и мышлением. Тем не менее в реконструкциях поведенческих особенностей не только этого семейства, но и более ранних палеоантропологических находок – сахелянтроп, ардипитек, оррорин, и даже антропоморфных (нечеловеческих) обезьян, да и других животных, например, крыс, современные палеоантропологи свободно используют такие понятия, как мышление, осознание, понимание, метапознание, социальная организация [8, 9].

Проблема обезьяночеловека – промежуточного звена между человеком и обезьяной – возникла потому, что, несмотря на наличие примитивных орудий (так называемые оловяйские гальки – камни, оббитые 2–3 ударами), говорить о наличии у австралопитековых разума еще рано. Есть много животных видов, изготавливающих орудия, намного более совершенные, чем оловяйские гальки (бобры, пчелы, муравьи, птицы и т. д.). Более того, гипотеза, до сих пор занимаю-

щая в антропологии весьма сильные позиции, о том, что далекие предки человека занимались охотой на крупных животных и с этой целью изготавливали орудия из камня и иных подручных материалов, не выдерживает серьезной критики. В то время (верхний плейстоцен, нижний и средний плейстоцен) на планете господствовали, наверное, самые эффективные за всю историю Земли хищники-убийцы – махайроды, конкурировать с которыми в охоте на крупных травоядных даже вооруженный каменным топором человек никак не мог. Эти хищники были в полтора раза крупнее современных тигров и имели в своем распоряжении очень эффективное орудие убийства – полуметровые клыки. Но эти клыки хороши для охоты, а не для поедания добычи. Они сильно мешали во время трапезы, поэтому саблезубые тигры питались в основном свежей кровью или выедали у жертвы мягкие части – печень, почки, сердце. Остальная часть туши доставалась хищникам-некрофагам: волкам, гиенам, шакалам и пр. Предок человека также нашел здесь свою питательную нишу. Генетически усвоив навык человекообразных обезьян разбивать с помощью камней твердые оболочки орехов и панцирей, австралопитек перенес его на разбивание черепов и костей убитых махайродами травоядных и таким образом стал добывать очень питательный и богатый белками головной и костный мозг. В этой экологической нише конкурентами нашего далекого предка были лишь некоторые насекомые, с которыми ему было нетрудно справиться.

Ортоградность австралопитеков и сформировалась потому, что эти животные, чтобы добыть пищу, должны были нести либо камни к трупам убитого махайродом травоядного, либо труп к тому месту, где можно было найти подходящий камень. А для этого необходимо освободить передние конечности. Кроме того, стоя на двух ногах, можно по полету хищных птиц определить местонахождение свежего трупа. Двухноготность также увеличивала скорость передвижения этих животных. Таким образом, австралопитеки, в том числе и *Homo Habilis*, никак не могли считаться людьми – они не были *Homo*, они были животными, лишенными разума.

В среднем плейстоцене разразился экологический кризис – вымерли махайроды и количество мясной пищи резко сократилось. Из многочисленного семейства австралопитековых выжить удалось только одному виду, который не только приспособился к питанию головным и костным мозгом травоядных, но и научился соскребать остатки мяса с костей. А для этого нужны не

просто естественные камни, а камни с острыми режущими поверхностями. Так предок человека вынужден был заняться изготовлением орудий, но не для охоты, как считает официальная антропология, а для совершенствования своего некрофагического поведения. Именно тогда он столкнулся с некоторыми свойствами огня – искры, возникающие при обработке камней, могли воспламенить сухую травянистую подстилку его логова. Человеческий предок в те далекие времена еще только боролся с огнем, а не использовал его, поскольку не был знаком с его полезными свойствами.

Так появились археоантропы или питекантропы (питекос – обезьяна, антропос – человек), то есть обезьяночеловек или человекообезьяна или гомосимиа, почему-то названные *Homo Erectus* (прямоходящими были и австралопитеки). Это были существа, внешне похожие на человека, но психически и по строению головного мозга, который можно реконструировать на основе исследования эндокранов, они были ближе к обезьяне, хотя объем мозга у них был значительно больше обезьяньего [8]. Как говорил Э. Геккель, телом – человек, умом – обезьяна.

Следующий этап биологической эволюции предков человека связан с очередным пищевым кризисом, приведшим к постепенному вымиранию археоантропов. И опять выжить удалось только одному виду из всего семейства – палеоантропам или неандертальцам. В систематике К. Линнея этот вид обозначен как троглодиты. Важной приспособительной особенностью этих животных, открывающей доступ к мясной пище, стал генетически закрепившийся инстинкт никого не убивать – не только умирающие, но и живые здоровые животные не боялись палеоантропов. В дальнейшем это позволило им выработать и наследственно закрепить принципиально новые способы влияния на поведение не только млекопитающих, но и птиц. Этот нейрофизиологический механизм Б. Ф. Поршнев назвал интердикцией. В его основе лежит возможность слияния неадекватного и подражательного рефлексов, которое способно затормозить активное первосигнальное поведение и привести к состоянию, которое Н. Е. Введенский называл парабиозом, а Б. Ф. Поршнев – дипластией [20]. В процессе дальнейшего совершенствования нейрофизиологический механизм дипластии развился в суггестию – возможность изменять поведение других животных с помощью специальных воздействий. Такая поведенческая форма уже не укладывается

в рамки закона биологической эволюции, поскольку суггестия не приносит индивидуальной пользы организму – пользу от такого измененного поведения извлекает совсем другой организм. На этом биологическая эволюция в процессе формирования человека завершает свою роль, и в действие вступает иной закон – антропогенез, отличающийся, во-первых, фантастической скоростью, а во-вторых, характеризующийся быстрыми нейронными и, особенно, психологическими изменениями при практически неизменной телесной организации. Филогенез человека теряет черты исключительно биологического процесса, основными механизмами которого были внутривидовая борьба за существование и естественный отбор, и становится социальным, где на первое место выходят межиндивидуальное взаимодействие и бессознательный искусственный отбор.

Очередной экологический кризис, который наступил в позднем плейстоцене, еще более сократил количество доступной мясной пищи, и палеоантропы, к тому времени представляющие целое семейство видов, были обречены на вымирание, несмотря на очень тонкое и изощренное приспособление к сложившимся экологическим условиям. И вот наступил момент, когда эволюция предков человека (а это был еще биологический процесс, описанный Ч. Дарвиным) по всем признакам должна была трагически завершиться. Но природа нашла узкую щель в экологических условиях существования палеоантропов: инстинкт «не убий» запрещал убивать представителей других видов, но он не накладывал ограничений на убийство и поедание себе подобных. Так началась самая страшная эпоха в эволюции человеческих предков – адельфофагия. Вид палеоантропов стал расщепляться на два: одна часть популяции использовала другую в качестве самовоспроизводящейся кормовой базы. Этот феномен известен у некоторых видов животных, но у человеческих предков он уникален тем, что стал основным способом питания и выживания; у всех других животных видов адельфофагия носит эпизодический характер. Отголоски этого этапа становления человека современного вида до сих пор можно обнаружить в некоторых африканских племенах, где практикуется каннибализм, а также в патологических случаях, которые, по-видимому, представляют собой различные варианты атавизма – частичного возврата к предковым формам поведения. Кроме того, у многих этносов принесение человеческих жертв некогда совсем не фантастическому, а реальному

чудовищу – пожирателю юношей и девушек – пережиточно сохранилось в многообразных вариантах обряда инициации.

Человеческие жертвоприношения известны не только у первобытных народов, но и у этносов, достигших известного уровня цивилизации. Эти ритуальные умерщвления являются лишь символическим следом того, что было распространённым фактом в конце среднего и начале верхнего плейстоцена, в напряженном времени начавшейся дивергенции двух биологических семейств – троглодитид и гоминид.

В. Я. Пропп [21] убедительно показал, что весь сказочно-мифологический фольклор представляет собой позднее преобразование и переосмысление человеческих жертвоприношений.

Использование части популяции палеоантропов как кормовой питательной базы стало возможным благодаря высокой способности некоторых из них осуществлять внешнее воздействие на поведение других существ. Эта способность к интердикции и суггестии была перенесена на членов собственной популяции, поэтому дивергенция палеоантропов основывалась, с одной стороны, на возможности одних осуществлять суггестию, а с другой – на податливости остальных к интердикции. А такая податливость была наиболее характерна для так называемых «большелобых», которые отличались чрезмерным развитием лобных долей мозга и отсутствием волос на теле. Таким образом, ископаемый неантроп, или кроманьонец, – результат бессознательного искусственного отбора, осуществленного палеоантропами с целью создания самовоспроизводящейся кормовой базы для себя. Это уже не биологическая эволюция, поскольку отбор не является естественным, а антропогенез, фантастическая скорость которого, по сравнению дарвиновской эволюцией, поражает воображение. Вот таким образом человеческий предок был вытолкнут из биологической среды обитания в социальную.

Телесная организация кроманьонца в процессе антропогенеза не претерпела практически никаких изменений, по сравнению с современным человеком, в то время как его психические способности изменились кардинальнейшим образом. Некоторые палеоантропологи полагают, что если бы была возможность найти ископаемого неантропа, помыть его, причесать, одеть как европейца и посадить за стол, то внешне отличить его от современного человека было бы невозможно. Но психологические различия между ними огромны.

И, прежде всего, эти различия касаются их мотивации – генетически закрепленных побуждений.

Дивергенция палеоантропов завершилась формированием двух человеческих видов – хищного и нехищного. Более жизнеспособным оказался нехищный вид: у него было гораздо больше нейрофизиологических и психологических преимуществ, которые позволили ему выработать принципиально новый способ регуляции поведения – вторую сигнальную систему. Однако вымершие палеоантропы, от которых отпочковался новый нехищный вид ископаемых неантропов, все же оставили в нем свой генетический след, который впоследствии послужил основанием для формирования в человеческой популяции нескольких видов. Этому благоприятствовал своеобразный этап антропогенеза, получивший название промискуитета – процессу формирования и складывания родо-племенных отношений, оформлению института семьи предшествовал период беспорядочных половых связей по принципу «свободно тасующейся колоды карт». По-видимому, представители нового нехищного вида ископаемых неантропов всячески стремились как можно дальше уйти от своих хищных родственников, использующих их в качестве постоянного кормового источника, и началось первое «великое переселение» – в течение очень короткого по эволюционным меркам времени ископаемые неантропы заселили все пригодные для жизни земли. Палеоантропы, естественно, шли за ними, поскольку главным источником их питания была часть приплода ископаемых неантропов. Процесс переселения происходил весьма быстро, мужская часть популяции как более мобильная опережала самок с детьми и часто к ним уже не возвращалась, прибываясь к другим самкам. Происходило постоянное перемешивание всей популяции, что и привело к тому, что в генотипе ископаемых неантропов оказались и гены палеоантропов. Этот период в процессе формирования родовых и семейных отношений в человеческом обществе и называется промискуитетом. Впоследствии, когда вид палеоантропов уже исчез с лица Земли, его генетический след остался в генотипе *Homo Sapiens*.

Самая первая дипластия ископаемого неантропа – это страх быть съеденным своим же собратом. Но если для любого животного, обладающего лишь первой сигнальной системой, такая противоречивая ситуация вызовет невроз (в реальности такой невроз у животного можно сконструировать лишь в эксперименте), то современный человек научился постоянно жить в таких

условиях. Более того, в процессе антропогенеза он выработал эффективные контрсуггестивные способы компенсации дипластии.

Отсюда следует важнейший вывод: человеком обезьяну сделал не труд, поскольку труд уже сам по себе подразумевает наличие разума, а страх быть съеденным собственным же собратом. Это противоречие, «сшибка» двух противоположных по своей направленности инстинктов, этот абсурд как бы заставил ископаемого человека в первый раз взглянуть на себя со стороны, благо к тому времени у него были все необходимые для этого нейрофизиологические и психологические предпосылки: мощное развитие лобных долей мозга и появление зачатков второй сигнальной системы. Все дальнейшее развитие второй сигнальной системы и речи представляет собой попытку разрешить это глобальное, в принципе неразрешимое в рамках первой сигнальной системы, противоречие. Б. Ф. Поршнев обозначил этот процесс как «деабсурдизация абсурда» [20].

Таким образом, главным отличием человека от любого, даже самого высшего, животного является наличие у него второй сигнальной системы в виде сформировавшейся в процессе антропогенеза знаковой речи. Но речь – не довесок к первой сигнальной системе, к безусловным и условным рефлексам, а принципиально новый способ регуляции поведения, появляющийся только у человека. Самая первая функция речи – не продолжение и развитие возможностей рефлексорного поведения, а запретительная по отношению к действию первосигнальных раздражителей. Действительно, зачем второй сигнальной системе способствовать и помогать тому, что и без нее обязательно случится. Первая функция речи, таким образом, коммуникативная, а точнее – суггестивная: сначала суггестия осуществлялась другим индивидом, и только позже у человека появилась способность к аутосуггестии – индивид становится способным осуществлять поведение, противоречащее первосигнальным побуждениям. Это – произвольное поведение, подразумевающее некоторое насилие над собой: не хочется, но надо. Вторая важнейшая функция речи – информационная – появилась тогда, когда у человека сложилась система значений и речь стала инструментом мышления.

Поскольку человеческая речь сформировалась как способ отмены, запрета функционирования первой сигнальной системы, это и есть главный определяющий признак ее отличия от социальных сигналов, используемых животными. У по-

следних есть довольно развитые системы коммуникации, но нет речи, поскольку в речи для всякого обозначаемого явления – денотата – существует «не менее двух нетождественных, но свободно заменяемых, то есть эквивалентных, знаков или сколь угодно больших систем знаков того или иного рода; их инвариант называется значением, их взаимная замена – объяснением, интерпретацией» [20, с. 57]. Эта синонимичность и делает их собственно знаками. Обратная сторона этого феномена – наличия в человеческой речи для любого знака несовместимого с ним – называется антонимией. Без синонимии и антонимии нет ни объяснения, ни понимания.

Таким образом, вторая сигнальная система представляет собой инструмент, позволяющий ограничивать, запрещать функционирование первой, это не дополнение к последней, а принципиально новый способ регуляции поведения, характерный только для человека. Отсюда происходит и двойственность человеческой мотивации. У животных все побуждения имеют первосигнальную природу; у человека имеется механизм, способный запрещать естественные побуждения и замещать их второсигнальными. Это и создает потенциальные специфические сложности при анализе человеческой мотивации. У человека могут быть два мотива – настоящий и мотивировка (который «красиво звучит»): первый – неосознанный, первосигнальный, второй – осознаваемый, второсигнальный. Побуждение первого рода – истинная причина поведения, мотив второго рода – попытка оправдания человеком своего поступка с помощью речи. В реальном поведении они обычно не совпадают. Публичные высказывания всегда детерминированы мотивами второго рода, а своих истинных побуждений большинство индивидов даже не осознает и может только предполагать их. В социальной психологии эти предположения определяются как самоатрибуции.

Но и естественная первосигнальная мотивация у человеческих индивидов неодинакова. Человечество «представляет собой парадоксальное общежитие существ, несовместимо разных, от рождения наделенных диаметрально противоположными психогенетическими мотивационными комплексами: стадным (подавляющее большинство) и хищным». Homo Sapiens в своем становлении прошел страшную стадию адельфофагии, и человеческая история началась с людоедства, с хищности, направленной на представителей своего же вида. А создал человека с его второй сигнальной системой «вовсе не труд и не естествен-

ный отбор, а смертельный страх перед своим ближним» [3, с. 3].

В процессе антропогенеза сформировалось два хищных вида: суперанималы (сверхживотные, неотроглодиты, обладающие второй сигнальной системой) – потомки первоубийца адельфофагов и суггесторы – агрессивные приспособленцы, подражатели и приспешники суперанималов, обладающие высокой способностью к внушению и манипулированию другими. Второй вид сформировался уже после разделения на хищных и нехищных. Суггесторы появились как посредники при передаче жертвоприношений и составили специфическую касту вождей, жрецов, шаманов и т. п., оставляющих часть жертвуемых продуктов для себя. Их главной психологической особенностью стала хорошо развитая способность к манипулированию и суггестии.

Хищные виды пошли по пути наименьшего сопротивления, очень хорошо «обкатанному» природой. Для двух нехищных человеческих видов характерно врожденное неприятие насилия: диффузный вид – люди, легко поддающиеся внушению («большелобые», податливые на интердикцию) и современные неоантропы, обладающие обостренной нравственностью и, в то же время, способностью к критическому мышлению. Последние представляют новый человеческий вид, который появился сравнительно недавно, отпочковавшись от диффузного в период с 800 по 200 год до н. э. К. Ясперс назвал этот интервал в истории человечества «осевым временем». Именно тогда впервые появились этически зрелые человеческие индивиды, способные критически мыслить, то есть нравственные люди, обладающие третьей сигнальной системой. Если речь дает человеку возможность ограничивать и запрещать функционирование первой сигнальной системы, то третья сигнальная система становится способной контролировать вторую с позиции нравственных категорий.

Существование различных врожденных пружин человеческой мотивации: «злость», «эгоизм» и «сострадание» – отмечал и А. Шопенгауэр, что четко соответствует жизненным ориентациям суперанималов, суггесторов и нехищных индивидов. Русский ученый – педагог, анатом, врач – П. Ф. Лесгафт на основе многолетних наблюдений над детьми-школьниками выделил так называемые «школьные типы»: «честолюбивый», «лицемерный» и «добродушный». У первых двух отсутствуют моральные устои. Став взрослыми, они не добавляют себе нрав-

ственных качеств. «Утром убив своих родителей, они заснут вечером сном праведника», – так характеризовал их П. Ф. Лесгафт [71]. При негативном воспитании эти три основных личностных типа развиваются в «злостно-забитый», «мягко-забитый» и «угнетенный». Из них лишь последний обладает нравственностью (может даже – обостренной, что свойственно неоантропам). Интеллектуальные способности, эмоции, воля, темперамент, считает П. Ф. Лесгафт, – это все производные качества. В настоящее время многие передовые ученые считают, что нравственность и есть главное отличие человека от животного, и с этим трудно не согласиться.

Внешне представители четырех человеческих видов очень похожи – популяционная генетика трактует это явление как существование видов-двойников. Главное же различие между ними – мотивационное, различие в истинных генетически закрепленных побуждениях к определенному поведению. Хищная мотивация – причина безудержного стремления к власти, к подавлению и доминированию, получению личной выгоды, к совершению преступлений. Суперанималы (потомки адельфофагов-каннибалов) и суггесторы различаются лишь способами реализации своих хищных побуждений: для первых характерны насилие и агрессия, для вторых – эгоизм и циничность, склонность к ненасильственным преступлениям, в частности к коррупции.

В рассматриваемом контексте вид понимается классически – это биологическое понятие, которое можно определить как совокупность особей, способных давать репродуктивное потомство. Многочисленные клинические наблюдения и жизненные факты свидетельствуют, что гибриды хищных и нехищных видов во 2–3 поколениях становятся бесплодными, хотя в первом возможен феномен гетерозиса – повышенной жизнеспособности и активности. Л. Н. Гумилев описывал его как пассионарность, а О. Б. Морель, Ч. Ломброзо, М. Нордау, С. Сигеле и др. рассматривали эти процессы с позиции теории дегенерации.

Вторая сигнальная система позволяет хищным человеческим видам скрывать свои истинные побуждения, тем не менее соответственно именно этим особенностям мотивации выстраивается система доминирования и иерархии во всех человеческих сообществах. В настоящее время предельно жестокие, основанные на физическом насилии властные режимы суперанималов – деспотии, тирании – уже почти полностью ушли в прошлое и остались лишь в «неофициальном» криминальном подполье. Властные

структуры сейчас стали вотчиной суггесторов; в частности, именно они являются настоящей психологической причиной коррупции, которая становится в современном обществе проблемой № 1. Поэтому бесполезно бороться с коррупцией как общественным феноменом, в этой борьбе необходимо сосредоточиться на индивидах, склонных к ней. В первую очередь, нужно научиться четко определять тех, у кого такие формы поведения являются врожденными, то есть представителей хищного вида суперанималов и суггесторов. Конечно, никакая антикоррупционная психотерапия в этих случаях не поможет, но коррупционное поведение может быть также результатом социального научения нехищных диффузных людей в силу их очень высокой внушаемости [10]. В такой ситуации эффективными будут специально разработанные психотерапевтические и психопрофилактические технологии.

Конечно, история становления человека современного типа – это всегда интеллектуальная гипотетическая реконструкция, поскольку в распоряжении исследователей пока нет машины времени, которая позволила бы вернуться в далекое человеческое прошлое и посмотреть, как все было на самом деле. Тем не менее палеопсихологическая теория антропогенеза, основы которой заложены в трудах Б. Ф. Поршнева, – единственная, которая не требует для своего объяснения привлечения креационистских моделей. Все иные теории происхождения человека так или иначе апеллируют к акту творения.

Библиографический список

1. Ванновская, О. В. Личностные детерминанты коррупционного поведения [Электронный ресурс] / О. В. Ванновская // Известия Российского государственного педагогического университета. – 2009. – № 102. – С. 323–328. Научная библиотека КиберЛенинка. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/lichnostnye-determinanty-korrupcionnogo-povedeniya#ixzz3YDRFPZWr>.
2. Вундт, В. Психология народов [Текст] / В. Вундт. – СПб., 1992. – 356 с.
3. Диденко, Б. Хищная власть. Зоопсихология сильных мира сего [Текст] / Б. Диденко. – М., 1997.
4. Журавлев, А. Л., Юревич, А. В. Коррупция в современной России: психологический аспект [Текст] / А. Л. Журавлев, А. В. Юревич // Российское общество. – 2012. – № 2. – С. 56–65.
5. Журавлев, А. Л., Юревич, А. В. Психологические факторы коррупции [Текст] / А. Л. Журавлев, А. В. Юревич // Вестник Российской Академии Наук. – Т. 85. – № 11. – М.: Наука, 2015. – С. 1019–1027.

6. Лебон, Г. Психология народов и масс [Текст] / Г. Лебон. – СПб. : Макет, 1995. – 316 с.
7. Лесгафт, П. Ф. Школьные типы. Антропологический этюд [Текст] / П. Ф. Лесгафт // Избранные педагогические сочинения. – М., 1988. – С. 24–114.
8. Марков, А. В. Эволюция человека : в 2 книгах. Книга 1. Обезьяны, кости и гены [Электронный ресурс] / А. В. Марков. – М. : АСТ: CORPUS, 2014а. – 464 с. – Режим доступа: <http://www.ozon.ru/context/detail/id/7386676/>
9. Марков, А. В. Эволюция человека : в 2 книгах. Книга 2. Обезьяны, нейроны и душа [Электронный ресурс] / А. В. Марков. – М. : АСТ: CORPUS, 2014б. – 512 с. – Режим доступа: <http://www.ozon.ru/context/detail/id/7386677/>
10. Морогин, В. Г. Палеопсихологическая модель коррупции [Текст] / В. Г. Морогин // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право : матер. Всеросс. научн.-практ. конф., Томск 15–16 апреля 2015 г. / под общ. ред. к. п. н. А. А. Вотинова. – Выпуск 3; Томский ИПКР ФСИН России. – Томск : Графика, 2015. – С. 215–224.
11. Морогин, В. Г. Психологическая концепция идентичности [Текст] / В. Г. Морогин // Сибирский педагогический журнал. – 2011. – № 11. – С. 233–254.
12. Морогин, В. Г. Теория и методы исследования ценностно-потребностной сферы личности [Текст] / В. Г. Морогин // Гуманитарные науки и образование в Сибири. – 2009. – № 3. – С. 12–28.
13. Морогин, В. Г., Мазиллов, В. А. Исследования коррупции: ценностно-потребностный подход [Текст] / В. Г. Морогин, В. А. Мазиллов // Дополнительное профессиональное образование в условиях модернизации: материалы седьмой всероссийской научно-практической интернет-конференции (с международным участием) / под науч. ред. М. В. Новикова. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2015. – С. 181–227.
14. Морогин, В. Г., Ширяева, А. А., Мазиллов, В. А. Методологические основы исследования коррупции: ценностно-потребностный подход [Текст] / В. Г. Морогин, А. А. Ширяева, В. А. Мазиллов // Методология современной психологии. Вып. 5 : сб. под ред. В. В. Козлова, А. В. Карпова, В. А. Мазилова, В. Ф. Петренко. – М. ; Ярославль : ЯрГУ; ЛКИИСИ РАН; МАПН, 2015. – С. 113–146.
15. Московичи, С. Наука о массах [Текст] / С. Московичи // Психология масс. Хрестоматия / ред. Д. Я. Райгородский. – Самара : Бахрах, 1998. – С. 397–534.
16. О мерах по противодействию коррупции: Указ Президента РФ от 19.05.2008 № 815 [Текст] // Российская газета. № 108 от 22.05.2008, изменения внесены Указами Президента от 13.04.2010 № 460 и от 13.03.2012 № 297.
17. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ [Текст] // Российская газета. Федеральный выпуск № 4823 от 30.12.2008.
18. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : ИТИ Технологии, Изд. 4-е, доп., 2006. – 944 с.
19. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс [Текст] / Х. Ортега-и-Гассет // Психология масс. Хрестоматия / ред. Д. Я. Райгородский. – Самара : Бахрах, 1998. – С. 195–314.
20. Поршнева, Б. Ф. О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии [Текст] / Б. Ф. Поршнева. – М. : ФЭРИ-В, 2006. – 176 с.
21. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки [Текст] / В. Я. Пропп. – М. : Книга по Требованию, 2011. – 349 с.
22. Рейтинг стран мира по уровню восприятия коррупции [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. – URL: <http://gtmarket.ru/ratings/corruption-perceptions-index/info>.
23. Репецкая, А. Л. Российская коррупционная преступность: характеристика и противодействие [Текст] / А. Л. Репецкая // Актуальные проблемы профилактики коррупции в России на современном этапе : сборник материалов методологического семинара / отв. ред. Д. Д. Невирко. – Красноярск : СибЮИ МВД России, 2010. – 184 с.
24. Решетников, М. М. Психология коррупции: утопия и антиутопия [Текст] / М. М. Решетников. – СПб. : Восточно-Европейский институт психоанализа, 2008. – 128 с.
25. Солсо, Р. Л. Когнитивная психология [Текст] / Р. Л. Солсо / пер. с англ. – СПб. : Питер, 2006.
26. Тард, Г. Социальная логика [Текст] / Г. Тард. – СПб. : СПбЦ, 1996. – 558 с.
27. Частотный словарь русского языка [Текст] / под ред. Л. Н. Засориной. – М. : Русский язык, 1977. – 936 с.
28. Bartlett, F. C. Remembering [Текст] / F. C. Bartlett. Cambridge Univ. 1932.
29. Corruption Perceptions Index 2011 [Электронный ресурс]. – URL: <http://cpi.transparency.org/cpi201199/results>.

Bibliograficheskiy spisok

1. Vannovskaja, O. V. Lichnostnye determinanty korruptionnogo povedenija [Jelektronnyj resurs] / O. V. Vannovskaja // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta. – 2009. – № 102. – S. 323–328. Nauchnaja biblioteka KiberLeninka. – Rezhim dostupa: <http://cyberleninka.ru/article/n/lichnostnye-determinanty-korruptionnogo-povedeniya#ixzz3YDRFPZWp>.
2. Vundt, V. Psihologija narodov [Tekst] / V. Vundt. – SPb., 1992. – 356 s.
3. Didenko, B. Hishhnaja vlast'. Zoopsihologija sil'nyh mira sego [Tekst] / B. Didenko. – M., 1997.
4. Zhuravlev, A. L., Jurevich, A. V. Korrupcija v sovremennoj Rossii: psihologičeskij aspekt [Tekst] /

- A. L. Zhuravlev, A. V. Jurevich // Rossijskoe obshchestvo. – 2012. – № 2. – S. 56–65.
5. Zhuravlev, A. L., Jurevich, A. V. Psihologicheskie faktory korrupcii [Tekst] / A. L. Zhuravlev, A. V. Jurevich // Vestnik Rossijskoj Akademii Nauk. – T. 85. – № 11. – M. : Nauka, 2015. – S. 1019–1027.
6. Lebon, G. Psihologija narodov i mass [Tekst] / G. Lebon. – SPb. : Maket, 1995. – 316 s.
7. Lesgaft, P. F. Shkol'nye tipy. Antropologicheskij jetjud [Tekst] / P. F. Lesgaft // Izbrannye pedagogicheskie sochinenija. – M., 1988. – S. 24–114.
8. Markov, A. V. Jevoljucija cheloveka : v 2 knigah. Kniga 1. Obez'jany, kosti i geny [Jelektronnyj resurs] / A. V. Markov. – M. : AST: CORPUS, 2014a. – 464 s. – Rezhim dostupa: <http://www.ozon.ru/context/detail/id/7386676/>
9. Markov, A. V. Jevoljucija cheloveka : v 2 knigah. Kniga 2. Obez'jany, nejrony i dusha [Jelektronnyj resurs] / A. V. Markov. – M. : AST: CORPUS, 2014b. – 512 s. – Rezhim dostupa: <http://www.ozon.ru/context/detail/id/7386677/>
10. Morogin, V. G. Paleopsihologicheskaja model' korrupcii [Tekst] / V. G. Morogin // Ugolovno-ispolnitel'naja sistema: pedagogika, psihologija i pravo : mater. Vseross. nauchn.-prakt. konf., Tomsk 15–16 aprlja 2015 g. / pod obshh. red. k. p. n. A. A. Votina. – Vypusk 3; Tomskij IPKR FSIN Rossii. – Tomsk : Grafika, 2015. – S. 215–224.
11. Morogin, V. G. Psihologicheskaja koncepcija identichnosti [Tekst] / V. G. Morogin // Sibirskij pedagogicheskij zhurnal. – 2011. – № 11. – S. 233–254.
12. Morogin, V. G. Teorija i metody issledovanija cennostno-potrebnostnyj sfery lichnosti [Tekst] / V. G. Morogin // Gumanitarnye nauki i obrazovanie v Sibiri. – 2009. – № 3. – S. 12–28.
13. Morogin, V. G., Mazilov, V. A. Issledovanija korrupcii: cennostno-potrebnostnyj podhod [Tekst] / V. G. Morogin, V. A. Mazilov // Dopolnitel'noe profesional'noe obrazovanie v uslovijah modernizacii : materialy sed'moj vserossijskoj nauchno-prakticheskoi internet-konferencii (s mezhdunarodnym uchastiem) / pod nauch. red. M. V. Novikova. – Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2015. – S. 181–227.
14. Morogin, V. G., Shirjaeva, A. A., Mazilov, V. A. Metodologicheskie osnovy issledovanija korrupcii: cennostno-potrebnostnyj podhod [Tekst] / V. G. Morogin, A. A. Shirjaeva, V. A. Mazilov // Metodologija sovremennoj psihologii. Vyp. 5 : sb. pod red. V. V. Kozlova, A. V. Karpova, V. A. Mazilova, V. F. Petrenko. – M. ; Jaroslavl' : JarGU; LKIISI RAN; MAPN, 2015. – S. 113–146.
15. Moskovichi, S. Nauka o massah [Tekst] / S. Moskovichi // Psihologija mass. Hrestomatija / red. D. Ja. Rajgorodskij. – Samara : Bahrah, 1998. – S. 397–534.
16. O merah po protivodejstviju korrupcii: Ukaz Prezidenta RF ot 19.05.2008 № 815 [Tekst] // Rossijskaja gazeta. № 108 ot 22.05.2008, izmenenija vneseny Ukazami Prezidenta ot 13.04.2010 № 460 i ot 13.03.2012 № 297.
17. O protivodejstvii korrupcii: Federal'nyj zakon ot 25.12.2008 № 273-FZ [Tekst] // Rossijskaja gazeta. Federal'nyj vypusk № 4823 ot 30.12.2008.
18. Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Tekst] / S. I. Ozhegov, N. Ju. Shvedova. – M. : ITI Tehnologii, Izd. 4-e, dop., 2006. – 944 s.
19. Ortega-i-Gasset, H. Vosstanie mass [Tekst] / H. Ortega-i-Gasset // Psihologija mass. Hrestomatija / red. D. Ja. Rajgorodskij. – Samara : Bahrah, 1998. – S. 195–314.
20. Porshnev, B. F. O nachale chelovecheskoj istorii. Problemy paleopsihologii [Tekst] / B. F. Porshnev. – M. : FJeRI-V, 2006. – 176 s.
21. Propp, V. Ja. Istoricheskie korni volshebnoj skazki [Tekst] / V. Ja. Propp. – M. : Kniga po Trebovaniju, 2011. – 349 s.
22. Rejting stran mira po urovnju vosprijatija korrupcii [Jelektronnyj resurs] // Centr gumanitarnyh tehnologij. – URL: <http://gtmarket.ru/ratings/corruption-perceptions-index/info>.
23. Repeckaja, A. L. Rossijskaja korrupcionnaja prestupnost': harakteristika i protivodejstvie [Tekst] / A. L. Repeckaja // Aktual'nye problemy profilaktiki korrupcii v Rossii na sovremennom etape : sbornik materialov metodologicheskogo seminaru / otv. red. D. D. Nevirko. – Krasnojarsk : SibJuI MVD Rossii, 2010. – 184 s.
24. Reshetnikov, M. M. Psihologija korrupcii: utopija i antiutopija [Tekst] / M. M. Reshetnikov. – SPb. : Vostochno-Evropskij institut psihoanaliza, 2008. – 128 s.
25. Solso, R. L. Kognitivnaja psihologija [Tekst] / R. L. Solso / per. s angl. – SPb. : Piter, 2006.
26. Tard, G. Social'naja logika [Tekst] / G. Tard. – SPb. : SPC, 1996. – 558 s.
27. Chastotnyj slovar' russkogo jazyka [Tekst] / pod red. L. N. Zazorin. – M. : Russkij jazyk, 1977. – 936 s.
28. Bartlett, F. C. Remembering [Tekst] / F. C. Bartlett. Cambridge Univ. 1932.
29. Corruption Perceptions Index 2011 [Jelektronnyj resurs]. – URL: <http://cpi.transparency.org/cpi201199/results>.